

ОТОБРАЖЕНИЕ В ЛЕТОПИСЯХ МОСКОВСКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ XVI ВЕКА

А. А. Жданов¹, Н. Д. Тихонов²

¹ *Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 19454, г. Москва, Россия, zhdanov2107@inbox.ru*

² *Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 19454, г. Москва, Россия, niktikh0305@gmail.com*

В данной статье рассматривается вопрос формирования коллективной идентичности в двух государственных образованиях позднего Средневековья – Великих княжествах Московском и Литовском. В исследовании авторы опираются на анализ проблемы идентичности С. Хантингтоном и исторические источники, а именно две летописи обозначенного периода – литовскую Хронику Быховца и московскую Ермолинскую летопись. На основе обозначенных материалов выделяются основные черты коллективной идентичности XVI века обоих великих княжеств. Делается вывод об особой важности вооруженных конфликтов и внешних угроз данного периода истории для формирования как московской, так и литовской самоидентификации.

Ключевые слова: Великое княжество Московское; Великое княжество Литовское; идентичность; Позднее Средневековье.

THE REPRESENTATION IN THE CHRONICLES OF MOSCOW AND LITHUANIAN IDENTITIES OF THE XVI CENTURY

A. A. Zhdanov¹, N. D. Tikhonov²

¹ *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Avenue, 76, 19454, Moscow, Russia, zhdanov2107@inbox.ru*

² *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Avenue, 76, 19454, Moscow, Russia, niktikh0305@gmail.com*

This article examines the issue of collective identity genesis in two state formations of the Late Middle Ages – the Grand Duchies of Moscow and Lithuania. In the study the authors rely on the analysis of the identity problem by S. Huntington and historical sources, namely two chronicles of the designated period – Lithuanian Chronicle of Bykhovets and Muscovite Yermolinsky Chronicle. On the basis of these materials the main features of the collective identity of both grand duchies in the XVI century are highlighted. The conclusion is made about the formidable role of armed conflicts and external threats in that period of history for the genesis of both Moscow and Lithuanian self-identifications.

Keywords: Grand Duchy of Moscow; Grand Duchy of Lithuania; identity; Late Middle Ages.

Позднее Средневековье и Раннее Новое время ознаменовали собой кардинальные перемены не только в социально-экономической жизни

европейского общества, но и в сознании правителей, элиты и даже народных масс, где постепенно вместо династического принципа начинает доминировать национальный. Хотя окончательно система международных отношений была определена как совокупность наций-государств в 1648 г. с заключением Вестфальского мира, путь к этому начался раньше, с появлением первых, еще прото-национальных идентичностей и противопоставления их друг другу. Целью данного исследования является выявление таких идентичностей у Великих княжеств Московского и Литовского и их анализ на предмет сходных и отличающихся аспектов. Также авторами предпринята попытка обозначить те исторические события, которые сыграли ключевую роль в формировании московской и литовской идентичностей, оказали непосредственное влияние на их содержание. Стоит отметить, что процессы конструирования самосознания, начало которым было положено в XV в., продолжают оказывать серьезное влияние на восточноевропейскую подсистему международных отношений, поэтому данное исследование представляется авторам актуальным и в наши дни.

Концепция идентичности остается не до конца определенной в научном сообществе. Ее изучением занимались такие видные исследователи, как А. Вендт, Н. Онуф, Б. Андерсон и С. Хантингтон. В рамках данной работы авторы решили остановиться на методологической рамке, задаваемой именно концепцией Хантингтона, так как он предлагает в качестве стартовой точки процесса формирования национальных идентичностей в Европе именно XV век [8, с. 61], что совпадает с временными рамками анализа данной статьи. Для Хантингтона важнейшую роль в процессе формирования идентичностей европейских народов сыграли войны и в целом наличие определенного врага [8, с. 55–61], что обосновывает особое внимание авторов в ходе исследования к летописным описаниям вооруженных конфликтов, в которых Москва и Литва принимали участие. В качестве метода данной работы была выбрана компаративистика и анализ исторических документов.

В рамках данной статьи анализируются две летописи: литовская Хроника Быховца и московская Ермолинская летопись. Выбор этих летописей обусловлен тем, что они в наибольшей степени из сохранившихся источников независимы от великокняжеского мнения, выражая тем самым позицию не только великого князя и его ближайшего окружения, что позволяет более объективно реконструировать основные аспекты московской и литовской идентичностей. Так, автор Ермолинской

летописи позволяет себе достаточно критично оценивать московскую администрацию и великого князя [10, с. 14], но в то же время в первой своей части летопись близка к Московскому великокняжескому своду 1479 г. [5, с. 265]. Так что и позиция великокняжеского престола, безусловно важного актора конструирования московской идентичности конца XV в., частично сохраняется. Похожая ситуация наблюдается и в случае с Хроникой Быховца. Как указывает Н. Н. Улащик, хронист, составивший эту летопись, был близок к «верхушке феодалов Великого княжества», а в случае столкновения интересов великого князя и аристократов явно выступает защитником последних [9, с. 26–27]. В случае с Хроникой Быховца важно и то, что хронист достаточно вольно переписал исходный материал: некоторые исследователи замечают, что имела место быть «насильственная, искусственная группировка» [1, с. 14]. Поэтому Хроника требует «критического отношения» [4, с. 23]. В силу этого Хроника Быховца не всегда может рассматриваться как надежный источник по описываемому в ней периоду, но зато данная ее особенность позволяет анализировать Хронику в этой работе для реконструкции взглядов литовской элиты того времени, к которой был близок и сам хронист.

Таким образом, именно эти две летописи позволяют наилучшим образом реконструировать формируемое у литовской и московской военно-политическими элит восприятие себя и других, а не только великокняжескую позицию. Переходя к сравнительному анализу Ермолинской летописи и Хроники Быховца, стоит отметить, что позиции и цели Москвы и ВКЛ относительно земель Северо-Восточной Руси, в частности, и других акторов в Восточной Европе данного периода во многом были похожи. Так, ВКЛ долгое время рассматривалась как альтернативный и равный Москве центр объединения [2, с. 76], а влияние военно-политических элит Москвы и ВКЛ друг на друга было достаточно сильным. Например, ВКЛ некоторыми исследователями даже рассматривается как стабилизирующий фактор разгорающейся во второй четверти XV в. внутримосковской усобицы [3, с. 30]. Поэтому и восприятия «других», столь необходимые для формирования идентичности [8, с. 52–53], у двух великих княжеств были схожими. В силу этого авторами были выделены два ключевых аспекта формирования идентичности, которые прослеживаются и в Хронике Быховца, и в Ермолинской летописи, а также по одному отличающемуся аспекту в московской и литовской летописях. К общим чертам относятся исключительная важность противостояния с «татарами» при почти нейтральном отношении к другим противникам,

ссылки на православную веру как фактор принятия решений. Отличными особенностями в случае Литвы является обоснование справедливости военных конфликтов с внешними силами, а в случае Москвы – определенная настороженность региональных элит к власти великого князя, которая еще сохраняется в XVI веке в ходе продолжающегося и еще незавершенного процесса формирования централизованного государства [7, с. 34].

В Хронике Быховца первое упоминание «татар» встречается при описании конфликта полумифического великого князя Рингольда с русскими князьями. Тогда же хронист впервые говорит о помощи со стороны бога литовским войскам против «орды татарской» [9, с. 41], хотя до принятия христианства Литвой оставалось еще более века, то есть таким образом, вероятно, подчеркивается исключительная важность этой битвы. Можно предположить, что хронист осуждает союз с татарами, борьба против такого союза оказывается достойна помощи Бога, даже если эта помощь оказывается язычнику. В то же время, в Хронике совсем не содержится упоминаний попытки Ягайло соединиться с войсками Мамай летом 1380 г. Так что хронист, вероятно, стремится не подчеркивать этот эпизод литовской истории. Для сравнения, заключаемые литовскими князьями военные союзы с русскими [9, с. 87] или даже немецкими [9, с. 70–71] силами не критикуются автором Хроники. Они воспринимаются скорее как нормальное явление, не заслуживающее какого-либо оценочного суждения. Наконец, кульминация литовско-татарского противостояния – битва на Ворскле 1399 г., описывается наиболее подробно [9, с. 74–75] из всех упомянутых в Хронике битв. Московское восприятие татар во многом сходится с литовским. В Ермолинской летописи татары предстают неким «сущим злом», разрушающим города и села, но при этом главная сила, способная их остановить – это православная вера [6, с. 169]. Так, после молебнов митрополита в 1451 г. полчище орд вернулось восвояси. Постепенно, ближе к правлению Ивана III, летописец признает московскую власть в статусе фаворита в татаро-московском противостоянии: теперь князь уже спокойно может совершать походы на Казань, татары как враги теряют образ «непобедимого врага» [6, с. 172].

Перейдем теперь ко второму обозначенному аспекту литовской и московской идентичностей. Обе летописи рассматривают православную веру как безусловно важную составляющую своей истории и культуры. В литовской летописи хронист противопоставляет жестокое язычество и христианство на примере Войшелка, который до крещения, по

утверждению летописца, убивал «всякий день по три и по четыре», тогда как после принятия христианства Войшелк описывается летописцем как мудрый и доблестный правитель [9, с. 43–44]. После этого постепенно все чаще при описании битв упоминается Бог как помогающая литовским войскам высшая сила. В то же время ссылки на веру присутствуют и при описании конфликтов Литвы с княжествами Северо-Восточной Руси: когда летописец стремится показать несправедливость действий противников Вильно, он ярко описывает их «нехристианское поведение» [9, с. 58]. В Ермолинской летописи вопрос веры также играет важную роль в контексте московско-литовского противостояния: Витовт осуждается митрополитом Фотием за попытку основать отдельную от Москвы Литовскую православную митрополию: имена всех, кто приобщаются к Литовской митрополии, «прокляты и извержены» [6, с. 146].

Третий аспект литовской идентичности неоднородно прослеживается в Хронике Быховца. Если при описании событий, происходивших в XIII – середине XIV в. хронист никак не обосновывает вооруженные столкновения литовских князей с тем или иным соседом, то начиная со второй половины XIV в. краткое доказательство справедливости литовской внешней политики, чаще всего это обоснование приводится при описании вооруженных конфликтов с Москвой, которая постепенно становится главным конкурентом уже ВКЛ на территории Северо-Восточной Руси, где с конца XV в. разграничиваются и сферы влияния между московским и литовским объединительными центрами [2, с. 125]. Данный аспект литовской идентичности в определенной степени следует из первых двух: хронист либо ссылается на союз москвичей (при описании событий XV–XVI вв. уже не используется термин «русский») с татарами [9, с. 96, 110, 114], либо на их «нехристианское» поведение и нарушение договоров [9, с. 68].

Третий аспект московской идентичности заключается в достаточно серьезной критике великокняжеской власти и ее посредников региональными элитами, к которым был близок автор Ермолинской летописи. Летописец описывает, например, как Василий II Темный казнит серпуховских дворян в Великий пост [6, с. 163]. При этом оценивая наместников великокняжеской администрации как посланников дьявола [5, с. 266]. В то же время военные походы Ивана III поощряются – ввиду борьбы с общим врагом (с ханствами). Таким образом, несмотря на антипатию автора к московской власти, монгольские орды считаются главным врагом, – и военные кампании Москвы, тем самым,

воспринимаются уже положительно. Московская власть становится объектом критики со стороны летописца по многим проблемам, но не в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности подвластных Москве территорий, в чем можно видеть свидетельство незавершенности процесса централизации государства и сохраняющегося напряжения между Москвой и региональными элитами, что не наблюдалось в Великом княжестве Литовском.

Таким образом, на основе рассмотренных летописей можно сделать вывод о наличии определенных аспектов формирующихся в XVI в. коллективных идентичностей двух великих княжеств. Для каждого государственного образования были выделены три особенности, причем первые две достаточно сильно схожи в силу во многом подобия путей исторического развития. Третий, различающийся, является таковым в силу сложившихся к XVI в. различий между московским и литовским государственными образованиями. Также, в ходе анализа фрагментов летописей, соответствующих выделенным аспектам как московской, так и литовской идентичностей, можно заметить намечающуюся тенденцию к московско-литовскому противостоянию.

Библиографические ссылки

1. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1885.
2. Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 76–126.
3. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
4. Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1910.
5. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969.
6. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2004.
7. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Издательство АН СССР, 1962.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Изд-во АСТ, 2004.
9. Хроника Быховца. М.: Изд-во «Наука», 1966.
10. Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904.